

В. Л. Алексеева
**ОБРАЗ ГОРОДА
В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ**

В сознании каждого из нас стойко живут представления о том или ином месте, событии, явлении. Сознание человека наполнено различными образами, которые представляют собой отпечаток реакции человека на видимую действительность. Исследовательница Н. Ф. Дмитриевская дает следующее определение интересующего нас понятия: «Образ, результат и идеальная форма отражения объекта в сознании человека, возникающая в условиях общественно-исторической практики, на основе и в форме знаковых систем» (Дмитревская Н. Ф. Образ города как социальный феномен. СПб., 1999. С. 18).

Каждый человек обладает образным представлением о своем родном городе и других городах, хотя и не всегда способен выразить его словами. Такое представление являет собой сложный синтез прямых впечатлений от пребывания в разных городах, виденного на фотографиях, в живописи или графике, прочитанного и услышанного. При этом всякое прямое восприятие предполагает не всегда заметное сопоставление того, что находится перед глазами и вокруг, с тем, что было выстроено где-то внутри нашего сознания. Следовательно, образ города включает в себя множество составляющих — это совокупность характеристик города, отраженных в сознании людей.

Можно выделить внутренний и внешний виды образа города. Носителями первого являются жители данного города, внешнего — гости города и население других поселений. Образ внешнего наблюдателя будет отличаться от образа жителя города. Гости города иначе считают неродное пространство, пристально вглядываясь в детали, тогда как жители полагают их само собой разумеющимися. Мало того, эти образы могут быть диаметрально противоположны. Например, рельеф Петербурга, который местными жителями воспринимается позитивно, часто становится предметом дискурса москвичей, которые ут-

верждают, что абсолютно плоский, лишенный холмов и впадин рельеф города дает ощущение человека, как букашки, ползушей по столу. В свою очередь питерцы отвечают, что в Москве мало открытых пространств и нет перспективы, не видно горизонта. И дело не только в извечном историческом споре о первенстве Москвы и Петербурга. Эти примеры можно дополнить высказываниями представителей других городов, которые отметят другие особенности.

Образ города отличается и по способу восприятия. Можно выделить осязаемый и неосязаемый образы. Осязаемый образ очень широк, поскольку рождается вследствие работы всех органов чувств. Интересный пример формирования осязаемого образа города приводит в своей работе профессор В. Глазычев, ссылаясь на «Описание Греции» Дикеарха: «Дорога [к Афинам] приятна, кругом все возделано и ласкает взор. Сам же город — весь безводный, плохо орошен, дурно распланирован по причине своей древности. Дешевых домов много, удобных мало. При первом взгляде на него приезжим не верится, что это и есть прославленный город афинян; но вскоре же всякий тому поверит: самый прекрасный на земле — Одейон; замечательный театр, большой и удивительный; расположенный над театром богатый храм Афины, называемый Парфеноном, приметный издали, достойный созерцания, приводит зрителей в величайшее восхищение...» (Глазычев В. Л. Мир архитектуры (лицо города). М., 1990. С. 215).

Не правда ли, в тональности текста древностью в двадцать два столетия мы без особого труда распознаем собственное отношение к городам, о которых слышаны, но видим впервые? В процессе прямого восприятия у нас складывается сложный, сочетающий эстетическое отношение с сугубо практической оценкой комфортности городской жизни образ. Характер эстетического восприятия городской среды с позиции включенного

наблюдателя не дистанцирован, не отрешен восприятием только «духовными» органами чувств — зрением и слухом — все происходит наоборот: дистанция предельно укорачивается, восприятие протекает с интересом к тому, что воспринимается, и осуществляется оно всем телом, всеми органами чувств, включая обоняние, тактильно-кожные ощущения. Действительно, прокладывая трассу своего движения по городу, наблюдатель структурирует раскрывающиеся перед ним пространства в последовательность кадров или мизансцен, участниками которых являются прохожие, гуляющая толпа, машины, предметы городского интерьера и дома.

Существует разница в восприятии этих событий человеком, пользующимся видеотехникой, и обычного наблюдателя. Фотоаппарат, дающий неподвижное изображение, или видеокамера, фиксирующая жизнь в ее бесконечном движении, создают кадр, который неизбежно структурируется, превращается в законченное целое, а его компоненты образуют значимые оппозиции, создавая его семиотическую насыщенность. Когда мы вооружены фотоаппаратом, то неизбежно происходит структурирование текста города, так как наше зрительное поле включает одновременно и зону визуальных образов, требующих прочтения как текст, и зону, откуда этот текст читается. Неосязаемый образ представляет собой эмоциональные связи с городом. Это своего рода «образ памяти», некое заранее накопленное представление, от которого мы в некоторой мере становимся зависимыми и тогда, когда опознаем его в видимой действительности, и тогда, когда вынуждены резко перестроить заранее накопленное представление.

Неосязаемый образ формируется при помощи художественных текстов. Художник острее реагирует на город во всем богатстве его признаков, чем не-художник, и через свои произведения передает свой синтезированный образ читателю и зрителю. Вы никогда не задумывались, почему о некоторых городах древности, от первоначального облика которых осталось лишь несколько разрозненных памятников и руин, мы можем иметь лучшее представление, чем о множестве мест города, в котором живем? Рискну предположить, что это происходит именно по причине проработанности художественного образа, когда литератор и художник «помогли» нам увидеть их как художественное целое. Ведь никто из нас не был ни в Лиссе, ни в Зурбагане, поскольку эти и другие приморские города выдумал Александр Грин, но каждый, кому довелось

побывать в южных приморских городах, ищет (и часто находит) в них черты этих городов.

Художник стремится не просто показать или пересказать город, но передать читателю или зрителю свой образ города, чтобы и они могли считать его своим. Например, в конце XVIII в. Н. Карамзин писал о Лондоне: «Если великолепие состоит в огромных зданиях, которые, подобно гранитным утесам, гордо возвышаются к небу, то Лондон совсем не великолепен. Проехав двадцать или тридцать лучших улиц, я не видал ни величественных палат, ни одного огромного дома. Но длинные, широкие, гладко вымощенные улицы, большими камнями устланные дороги для пешех... непрерывный ряд фонарей на обеих сторонах, красивые площади, где представляются вам или статуи, или другие исторические монументы; под домами — богатые лавки, где, сквозь стеклянные двери, с улицы видите множество всякого рода товаров; редкая чистота, опрятность в одежде людей самых простых и какое-то общее благоустройство во всех предметах — образуют картину неописанной приятности, и вы сто раз повторяете: “Лондон прекрасен!” Какая разница с Парижем!» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 2008. С. 312). Н. Карамзин не просто описывает Лондон. Он поминутно сопоставляет его с французской столицей, считавшейся в России образцом совершенства, и отбирает впечатления (возможно, незаметно для себя самого) так, чтобы заострить парадоксальное в глазах тогдашнего читателя сопоставление в пользу Лондона.

Согласитесь, в нашей стране, увидевшей Петербург глазами Пушкина, а «губернский город N» — глазами Гоголя, становится невозможным воспринимать образ города без учета восприятия поэтов и писателей.

Но четкой границы между осязаемым и неосязаемым образом нет. С того момента, как мы попадаем внутрь города и становимся наблюдателями, один образ непрерывно перетекает в другой. Отсюда возникают ощущения, сходные с тем, что происходят при встрече с виртуальной реальностью: она содержит двойственный смысл, кажется одновременно истинной бытийностью и мнимостью.

Отметим также существенную разницу между образами города, свойственными архитектору (профессионалу) и непрофессионалу (просто жителю города). Здесь мы будем иметь в виду архитекторов, которые понимают и понимают город как сложный мир, обладающий своими особыми закономерностями развития, по-своему естественный и вместе с

тем искусственный, подчиняющийся творческой воле людей. Город как процесс, т. е. мир в развитии, город как единое целое. Таких градостроителей немного, но они должны быть такими. К сожалению, сегодня, градостроитель чаще внимателен к отдельному сооружению, в лучшем случае к его ближайшему окружению, отдельному парку или скверу, но города в целом не видит. И все же обратимся к своеобразию образа того профессионала, который воспринимает город как единое целое.

В сознании настоящего профессионала образ города представляет собой картину существования целостного организма во времени и в пространстве. В сознании же жителей город представляет собой некоторую сумбурность, состоящую из зрительных, слуховых, обонятельных, даже осязательных и прочих впечатлений. В первом образе вполне естественно преобладает конструктивная, созидательная воля преобразования существующего состояния в будущее. Во втором же преобладает стремление к стабильности, нетерпимость к резким изменениям, а часто разочарованность (новые районы часто становятся предметом критики горожан) и даже раздражение по поводу того, что возникающая среда не та, какой ее хотят видеть жители.

Различие профессионального и непрофессионального образов города естественно и неизбежно. Однако если различие принимает форму конфликта, резкого разрыва представлений, это опасно для судьбы города как среды обитания. Разрыв может усиливаться за счет того, что архитектор видит город в особом языке планов и графиков, знает его ритмы в числовых величинах. Городской житель, напротив, в течение длительного времени пребывает в оторванном состоянии, он не знаком с этой информацией, программой развития города и всякое новое строительство воспринимает как неожиданное вторжение в сложившийся и устоявшийся образ. Причиной такого разрыва образов является отсутствие информации о целостности проекта у жителей, и место такого представления непременно займет мифотворчество. Некий миф памяти. Коренные жители города смешивают приятные воспоминания о времени собственной молодости с памятью о действительном качестве городской среды.

Объективная информация свидетельствует об одном, а миф памяти — о прямо противоположном, интересно то, что чаще всего миф памяти оказывается очень жизнеспособным и стойким, в результате чего новая городская среда подвергается всеобщему почти осуждению, хотя у нее может быть множество достоинств по сравнению с реальным состоянием «города молодости».

Образ города не статичен и изменяется во времени как стихийно, так и целенаправленно. Изменение образа города зависит от многих факторов: экономической ситуации, государственной и градостроительной политики. Государственная политика способствует установлению иерархии городов по величине, значимости, а также может целенаправленно формировать нужный образ города, что сегодня и происходит на примере Петербурга. Образ города всегда вплетен в некоторый исторический контекст и социальную ситуацию. Он не может быть вне нации, менталитета, мировоззрения. «Образ города имеет свою судьбу. Каждая эпоха порождает свое особое восприятие; смена эпох создает постоянно меняющийся — текущий образ города и вместе единый в чем-то основном, составляющем его сущность как органического целого» (Дмитревская Н. Ф. Образ города как социальный феномен. СПб., 1999. С. 113).

Восприятие города каждым конкретным человеком, помимо вышеперечисленных факторов, также зависит от возраста, образования, культуры, интересов человека, даже от времени суток, сезона, погоды и множества иных крайне субъективных факторов, учесть все из которых просто невозможно. С развитием города меняется и его образ, т. е. образ города в сознании человека — динамичное местоощущение, которое описывается через субъективное отношение к городу различных групп населения и представляет собой прежде всего представление о городе. В сознании человека всегда присутствует многослойный образ, складывающийся из десятков, а то и сотен индивидуальных построений. Более того, индивидуально-художественное восприятие непременно окрашено еще и отношением к городу, что придает образу сложность, а также унаследованность и сиюминутность одновременно.

